

24 РАССКАЗА О ФРАНЦУЗСКИХ СТАРУХАХ

GÉRESSOL

На бульваре, на скамеечке сидит старая мадам Жерсоль, она спускается сюда с улицы Брюнель и греется на солнце со своей нянькой-компаньонкой, мрачной негритянкой мадам Фадигá. С мадам Жерсоль мы познакомились в Галери Гурманд, где она вдруг остановила меня и спросила:

— Месье, вы не подскажете, где здесь продаются иностранные вина?

У меня было хорошее настроение и море времени, поэтому я ответил:

— Вы меня спрашиваете потому, что я похож на продавца или на иностранца?

Мадам Жерсоль страшно смутилась, насколько может смутиться слабая старушка с увесистой тростью в руке:

— Что вы, месье, я не хотела вас обидеть! Я спросила вас просто потому, что вы оказались у меня на пути и не неслись никуда сломя голову, как сейчас принято! Прошу, простите меня!

Но я рассмеялся, сказал, что я именно иностранец и почти продавец, и предложил ее проводить, тем более, что я отлично знаю, где продаются иностранные вина — это очень небольшой стенд, стыдливо спрятанный в темном углу супермаркета. Мадам Жерсоль оперлась на мою руку и мы двинулись в сторону импортного пойла. Милая старушка отвесила серьезный комплимент моему произношению:

— Как для иностранца, месье, вы неплохо говорите по-французски, из вас вышел бы отличный шпион!

Я разумеется, поинтересовался, за каким, собственно, чёртом французенке в ее возрасте могло понадобиться иностранное вино.

— Видите ли, месье, моя старинная подруга мадам Лебран завтра вечером придет ко мне в гости со своим племянником. А он женат на девушке из Чили, — у мадам Жерсоль была достойная ее возраста привычка: она почти никогда не говорила на

ходу. Она останавливалась, вцеплялась в меня рукой и подробно вводила в курс дела. Наше путешествие в отдел иностранных вин затянулось тогда самым серьезным образом. — И я подумала: это было бы очень мило — в честь этой девочки откупорить бутылку чилийского вина. Как вы считаете, месье, это стоящая идея?

Я пожал плечами и честно признался, что не знаю: возможно, чилийке надоела ее местная бодяга на родине, и она сбежала от нее сюда, чтобы наконец вкусить настоящих вин — бордо или анжуйского, а мадам Жерсоль своими любезностями, напротив, жестоко вернет ее в осточертевшие чилийские реалии.

Мадам Жерсоль остановилась и растерялась:

— Что вы говорите, месье? А мне это показалось отличной мыслью... Как же мне быть? Может, это и вправду глупая затея?

Но я высказался в том духе, что, если мы уже и так прошли добрых полпути до отдела иностранных вин, не стоит бросать начатое на полдороге. Чилийское — так чилийское. В конце концов, мадам Жерсоль тоже не лишним будет наконец попробовать какие-то импортные произведения виноискусства.

Мы постепенно доплелись до чилийских вин, выбрали какую-то бутылку, вместе отправились к кассе и практически подружился. А потом часто виделись на бульваре, куда мадам Жерсоль в теплые дни выбиралась почти каждый день — посидеть на скамейке, подремать и покормить голубей.

— Знаете, эта девица оказалась на редкость милой. Она пришла в таких модных лосинах странного цвета и в белой блузе с декольте. Но, правда, мне

показалось, она забыла надеть юбку, — мадам Жерсоль смеялась так искренне, так неподдельно, как умеют смеяться уже совсем старые, седые старушки — сразу же жалеешь, что ты не художник и не можешь поделиться этим смехом с человечеством. — А вино мне не понравилось. Такое впечатление, что его перед продажей разбавили минеральной водой. А у вас в стране делают вино? — Конечно, мадам Жерсоль уже не помнит, откуда я.

— Вам не понравится, мадам, — говорю я чистую правду. — У нас его разбавляют Бог знает чем.

— А у моего соседа месье Дюшенуа внук женат на польке. Ее зовут немного по-турецки — Агá, — мадам Жерсоль искренне хочет сделать мне приятное, мол, вы тоже имеете право на существование.

— Я думаю, она сократила себя, чтобы всем было нетрудно выговаривать. А настоящее имя наверняка Агнешка, — говорю я со знанием дела.

Мадам Жерсоль немедленно пугается:

— Зачем же сокращаться ради других? Это прекрасное имя, очень чувственное, даже мне легко произнести — Ашанелька! — И, видя мою скепти-

ческую реакцию, пробует другие варианты: — Аннушка? Анелька? Ашенька?

— По-вашему это будет Аньес, — говорю я.

— Ох... Аньес — так звали мою лучшую подругу в Эколь Матернель. Это было очень, очень давно, мы тогда жили в Пуатье... — Мадам Жерсоль задумывается, а потом, как это часто бывает со стариками, моментально засыпает. Вечно недовольная мадам Фадига жестами показывает, что мне лучше уйти.

Я ухожу.

Последний раз, когда я был в Париже, мадам Жерсоль уже не показывалась на бульваре. Однажды я видел мельком мадам Фадига на соседней улице Дени Пуассон и хотел уже было догнать ее и спросить, куда же запропастилась моя старинная приятельница, но в последний момент побоялся услышать печальные новости и остановился. Мне нравится думать, что когда-нибудь я снова увижу эти седые, тщательно завитые букли и услышу скрипучий голос:

— Как для иностранца вы неплохо говорите по-французски, из вас вышел бы отличный шпион, месье!

CHABRILLET

Я жду лифт, который, конечно, у себя на этаже задерживает месье Дюфур. В окно — вдруг колокольчик. Кто-то идет по улице и периодически звенит, привлекая внимание. Старая мадам Шабрийе моет лестницу и, как всегда, сердится Бог знает на что.

— Что это может быть, интересно? — я выглядываю в окно.

Оказывается, это точильщик ножей. Он толкает перед собой старинную коляско-машину на колесах и звенит колокольчиком. Раньше точильщики ходили часто, а сейчас в любом супермаркете можно найти кучу точилок самых разнообразных конструкций и цен — от дешевых бесполезных до лазерных. Но какие-то динозавры с точильными машинами и колокольчиками все-таки сохранились в Париже.

— Это больной проказой, — делает мрачное предположение мадам Шабрийе с мокрой щеткой. — Он обязан звенеть колокольчиком, предупреждая публику о своем приближении, чтобы никто не заразился. Так что я бы на вашем месте пока обождала и никуда не ехала. Пусть пройдет, — она трет каменные ступени так яростно, как будто изгоняет дьявола.

— Мне не страшно: я уже переболел проказой, — говорю я так же серьезно, как мадам

Шабрийе. — Пойду покажу ему, где ближайший лепрозорий. До встречи, мадам.

— До свидания, месье. Вы следите за Метео-Франс? После обеда может пойти дождь, надеюсь, вы захватили зонтик. Привет всем в лепрозории.

Муж мадам Шабрийе погиб в Африке ровно через месяц после их свадьбы, пятьдесят лет назад. Она после этого так больше и не вышла замуж. Об этом мне рассказал когда-то тот самый месье Дюфур, который постоянно задерживает лифт у себя на этаже

